

ЗИМА И ПОЭТЫ

Похоже, что нынешняя зима

так и не соберется в дорогу.

Похоже, что вся земля на себя

надела белую тогу.

Всё в жертву зиме принесено:

все темы и все надежды.

У всех поэтов — «Снег» да «Зима».

Всё скрыли снега одежды.

Вот хут наступил, а за ним хамаль.

Пошли трактора по пашням.

А души лириков наших спят,

укрытые снегом вчерашним.

Вороны уж каркать забыли.

К чему орать им одно и то же?

Поэты справляются с этим и так.

Их совесть, видно, не гложет.

Трава уж выросла. Хлеб взошел. А тут всё зима.

Ну право,

Друзья, пожалейте ворон, прошу!

Оставьте им их забаву.

ХЛЕБ

Эй, вы, жулики,

обвешивающие нас на весах,

визжащие, как собака

с ведром на хвосте,
вы, ишаны и муллы,
выклянчивавшие капсан,
что дехкане платили вам
в своей простоте!
Из дрянных рогаток
вы горе-стрелки!
Знайте:
кончились ваши
даровые корма,
и любезные вам
пауки-кулаки
ни зерна не получают
в свои закрома.
Не страшны провокации ваши
для нас!
Так закройте же
ваши поганые рты!
Смотрит ненависть черная
из ваших глаз
на поля
неслыханной широты.
Опирается мягко горизонт на поля,
на тяжелых,
весомых
колосьев край.
Словно шкура тигра,
отливает земля.
Хлеб —

как неба к земле

золотой припай.

Словно ласточка,

крылья широко распластав,

никуда не сворачивая,

прямиком

Ветерок пролетает

над разливами нив,

над колхозным током,

над зерна островком.

Он, как сторож, осматривает

колхозный хлеб.

Наше время суровое,

враги вокруг.

Если ты не глух,

если ты не слеп,

будь суров и решителен,

не дремли, мой друг!

Как на шее девушки

бус прекрасных цепь,

по пескам горячим

караван бредет, —

это в край мой хлопковый

через жаркую степь

груженных верблюдов

брат-казах ведет.

Здесь комбайн глотает

сразу гору снопов,

силой трактора

выполняя план,
без быков рабочих,
без тяжелых цепов,
подсекая под корень
весь кулацкий хлам.
В элеваторах,
к небу растущих ввысь,
мы сложили плоды
колхозных трудов,
к изобилию
мы всей страной поднялись,
мы считаем хлеб
в миллиардах пудов.
Слово «голод»
оставим мы
лишь в листах словарей,
но покуда —
будь бдительным:
обманчива тишь!
У хирмана на страже
встань, товарищ, скорей:
пусть
ишанам и муллам
достанется шиш!
Их дела
не пойдут уж больше на лад,
не дадим им
выманивать
хаккулло и капсан!

Мы за хлеб твой боремся,

рабочий Пулат,

мы за хлеб твой боремся,

колхозник Хасан!

УЗБЕКИСТАН

Видел я

бескрайние пустыни.

Видел я

волнение морей,

град весенний,

что в полете стынет,

и самум,

летающий всех быстрее.

Видел извержение вулкана,

и тайфун,

и взрыв грозы в горах,

я узнал сиротство

очень рано,

ночи одиночества

и страх.

Пережил

жестокостей немало,

окруженный вражеским кольцом,

стрелами исколотый,

бывало,

я встречал врага к лицу лицом.

Я дышал

орлиной полной грудью,

брал за перевалом перевал.

По пустыне знойной,

по безлюдью,

по горам горбатым

кочевал.

В старой тибетейке

и в чарыках

я проделал многоверстный путь,

чтоб в далеких реках

и арыках

посвежее воду зачерпнуть.

С палкой из тяжелого иргая,

с гордым сердцем

и пустым мешком,

по ущельям и горам шагая,

сколько стран я обошел пешком!

В раннем детстве

я играл

с котенком,

перепелок

бил

из озорства.

А позднее

кровь запела звонко,

от любви

кружилась голова.

Мне казалось:

и земля и небо —

всё

огнем мечты озарено.

Жизнью

и последним ломтем хлеба

я бы с милой поделился,

но

когти злобно разрывали тело

только что родившейся любви —

догорело

всё, что пламенело

и кипело

в молодой крови...

Охранял я по ночам

ворота,

в кузнице,

где горны горячи,

я работал

до седьмого пота,

я менял профессии без счета,

доводилось даже быть лунгчи.

На базаре продавал фисташки,

не давала мне судьба поблажки...

Но пришел я

к сути сокровенной

избранного мною ремесла.

И нашел я

место во Вселенной,

где весна навеки расцвела,
где закон
построен человечно,
где звучит
светло и безупречно
песни полнозвучная струна, —
это наша юная страна.

Родина
добра и дружбы стойкой,
разгромив жестокого врага,
занята
неутомимой стройкой,
ей покорны
степи и тайга.

Ей покорны
топи и снега.

Крепость
нашей всенародной веры
мы от всех изменников спасли.

Нашей силе нет числа и меры.

Мы сильнее
всех стихий земли.

Прошлого прогнившие основы
рушатся, шатаются, скрипят.

Видя мир
просторный,
светлый,
новый,
рыцари долл а ра плохо спят.

Глухо закипающим вулканом

гнев народов зреет изнутри.

Не удастся

лицемерным странам

заслонить

растущий свет зари.

Рабство,

одиночество,

сиротство

мы уже забыли навсегда.

От бывшего мрака

и уродства

в сердце не осталось и следа.

Коммунизма светит нам звезда.

На горах,

в пустыне

и на море —

мы на вахте,

мы стоим в дозоре,

к Родине

живой любви полны.

В остром шлеме

вместо тюбетейки,

в шахте,

на далеком перешейке,

на несчетных рубежах страны

по ночам не спят ее сыны.

Каждое дыхание наше слито

в трепетное облако одно,

чувство с чувством
сплетено и свито
и вовек не может быть разбито,
сломано
или осквернено.
Я певец трудящегося люда,
сын великой солнечной страны.
В гордой книге
о советском чуде
строчки три и мной сочинены.
Цвет надежды для всего Востока,
для десятка подневольных стран,
расцвела и поднялась высоко
Родина моя —
Узбекистан.

ТАШКЕНТ («Ташкент построен в лучшей части света...»)

Ташкент построен в лучшей части света,
он весь — в просторной синей чаше гор,
и в знойное сорокадневье лета
здесь ветром омывается простор.
Горюет солнце над чужой землею
и радуется, восходя у нас,
льет кроткие лучи живой рекою,
идет... помедлить хочет хоть на час.
Как свежи и как звонки реки наши —

Чирчик, Ахангаран, Анхор, Салар!

Долина блещет бекасама краше —

Ташкента моего душевный дар.

Как драгоценный яхонт, персик рдеет —

ждет, полускрыт серебряной листвою.

Свой праздник осень праздновать умеет

здесь, где поставлен город древний твой.

Ташкент — алмаз бесценный в перстне мира;

здесь кровлю угнетенные найдут,

здесь люди Азии, чье сердце сирот,

свой свет, свою надежду обретут.

Тоскует солнце над землею чуждой

и отдыхает сердцем, медля здесь,

и забывает горести и нужды,

расцвет наш видя — о грядущем весть.

Ташкент, ты — сердце Азии Срединной,

ты — наша жизнь, ты — будущего свет!

Ты — равноправный брат в семье единой,

и здесь национальной розни нет.

Не будь художником, не будь поэтом, —

за Родину, за жизнь, за честь ее

борись, трудись!

И будет вечным светом,

как лал, блистать достоинство твое!